

—ШЛЕП!

Я пошлепал себя по щекам и глубоко вдохнул.

Дверь классной комнаты скользнула в сторону, и я вошел внутрь.

"Доброе утро!"

Вся шумиха в классе затихла, когда ученики повернулись в мою сторону. Их выражения были как всегда — кто-то был рад быть в классе, а кто-то не мог дождаться, чтобы уйти из него. Это уже стало мне знакомым зрелищем.

Я ярко улыбнулся ученикам — улыбка, которая была им хорошо знакома — и поднялся на амвон, чтобы начать переключку. Все присутствовали, как обычно.

"Все хорошо провели на выставке клубов?" — спросил я, опершись о кафедру.

Они кивнули головами и вздохнули. Один ученик прорычал сквозь классную комнату.

"Время викторины! Я хочу реванш!" — пожаловался студент Квинтон. Он вскочил с кресла и взглянул на нас, охотников за черной розой. Квинтон был раздосадован настолько, что сказал "время викторины" и даже не начал викторину.

Ну, быть разбитым святой в викторинах, несмотря на то, что его прозвали Мальчиком-викториной, должно было быть обидно.

Прежде чем кто-либо смог ответить Квинтону, звуки лютни прервали нас.

"Навыки светят ярко, каждое пламя уникально. Но мое все еще горит! На вершине непобежденного."

Это был Люк, играющий на лютне. Классная комната издала объединенный вздох в момент, когда он открыл рот.

"Что он сейчас говорит?" — Розентея не стала скрывать своего недовольства, держа веером. Все разделили ее чувства, глядя на него косо.

Для удобства учеников я решил истолковать.

Он говорит, что каждый из вас был побежден, несмотря на ваше высокомерие. Все, кроме него.

Все ученики вздохнули еще раз.

"Подожди, профессор!" — раздался низкий рев в классе. Закка, мускулистый дварф, который мог окаменеть до того, что выдержит удар огра, вскочил со своего кресла. "Ты имеешь в виду, что ты и охотники за клубами напали на каждый клуб, кроме как на этого шута? Почему!?"

"Студент Закка, не называй кого-то шутком."

"Прошу прощения."

Вот это да. Для такого громкого голоса он был послушным.

Парень с лютней (или как эти дети его там называют) был из литературного клуба. Когда мы

приближались к литературному клубу, другие охотники за клубами поворачивались и убегали, как гепарды.

Не могу им этого даже плохо воспринять. Никто не мог.

"Скажи мне, студент Закка," — сказал я, улыбаясь иронично. — "Было ли бы тебе интересно напасть на его клуб, будучи на нашем месте?"

Закка опустил глаза и снова извинился.

"Нет, я лучше умру..."

Видимо, мое мнение было неверным. В большой силе класса не было Иера, Юлианы или Элары — истинная сила всегда находилась в руках парня с лютней.

Тайными путями шла жизнь. Несмотря на мой опыт, я не мог предвидеть такой исход для динамики власти в классе.

Считается ли их обращение с Люком за издевательства? Люк получал настоящее удовольствие от их реакций, так что я думаю, что нет.

Мне лучше будет держать глаз на Люке в будущем. Хотя я уверен, что он может за себя постоять. Пока не стоит продолжать этот разговор. Я изменил тему, прежде чем кто-то успел сказать еще что-то о смерти и охотниках и прочем.

"Первая лекция моя, поэтому я начну немного раньше. Мы продолжим с основ грамматики."

Я обернулся к доске и опустил ее. Взяв кусок мела, я начал писать некоторые общие предложения на демоническом языке.

Я немного отвлекся от детей, но мой разум был слишком занят сегодня. Просто лучше было вести лекцию просто. Что-то, что я могу преподать без особого размышления.

"Профессор!"

Именно в этот момент ко мне подошло прерывание. Я был привычен к этому голосу. Тот же ученик произнес тот же самый слово почти на каждой лекции.

"Да, студент Серен?" — я ответил, не поворачиваясь.

"Как демоны устраивают похороны... для своих мертвых?"

Мои руки замерли на ее словах.

Я прикусил губы и закрыл глаза. Со вздохом я повернулся к ученикам. "Зачем ты спрашиваешь?"

"Разговор о смерти меня заинтересовал," — сказала Серен, мягкая улыбка на лице. — "Это редко приходит в голову, так как мне еще долго жить, но ты знаешь много о демонах."

Я положил мел на доску и оперся о нее. Эльф не беспокоила мысль о смерти. Ей было плевать на многие другие вещи. Серен всегда улыбалась, когда задавала свои вопросы, как будто ничто не беспокоило ее больше, чем быть предметом развлечения.

"Мертвые... да?"

Мой взгляд скользнул по ученикам. Было ли правильно говорить им об этом? Должно быть.

Но... у всех из них должно быть много умерших родных. Я видел, как Иасо сидел бездейственно на заднем фоне. А потом Атлас, он тоже смотрел на меня с глубоким любопытством.

Я вздохнул. Невинный вопрос ребенка был просто вопросом. Нет нужды излишне о нем думать.

"Это то, что я восхищаюсь в демонах," — сказал я. — "Я уверен, что почти все на передовой были впечатлены, когда видели их."

Ученики все расслабились и уставились на меня.

"Демоны, в день смерти своих людей, много плачут. Как и каждый, они изливают все свои слезы и крики, каждый капельку горя, на которое они способны. Они скорбят и скорбят, пока им не становится трудно больше кричать."

Я мог почти увидеть те дни снова. Боль и горе, которые заставили бы дрогнуть кого угодно. Даже самые стойкие демоны выливали все свое сердце.

"И когда наступает ночь, они сооружают пир, и кремируют тела умерших..."

В отличие от Церкви Солнца, которая учила нас хоронить, демоны все кремировали своих умерших. Они были созданиями, благословленными огромной маной — кремация была самым быстрым способом вернуться к природе.

"Но..." Улыбка начала появляться на моих губах. Правильно, я мог почти увидеть те дни снова. "На протяжении всего времени, пока горит огонь, они не проливают ни единой слезы."

Пока дым не направит их духи обратно к природе, каждый раз, когда те, кто ушли, оглядывались назад...

"Они празднуют свои жизни. С яркими улыбками и музыкой. Праздник всего, что сделали умершие. Демоны уверяют ушедших, что оставшиеся будут жить дальше... что они будут помнить. Пока горит огонь, они пьют, танцуют и веселятся."

Так чтобы те, кто оглядывался назад, могли уйти с легким сердцем.

"Как красиво..." — прошептала Серен. — "Мне бы хотелось, чтобы и моя жизнь была отмечена..."

Это было красиво? В моих глазах это не так.

Мои кулаки сжались.

Точно. Эти демоны всех обманывали. Они скрывали боль тех, кто ушел. Они маскировали ее, укутывали. Можно лишь плакать сегодня? Их отсутствие вторгалось в ваш разум, когда вас окружали те, кого вы больше не могли найти.

Я вздохнул.

Все это были мои мнения. Нет нужды навязывать их этим детям.

Я улыбнулся на слова Серен.

"Если вы делаете добрые поступки, люди будут помнить вас с улыбкой. Будьте добры, и этого должно быть достаточно. Есть ли еще вопросы, Серен?"

Девушка покачала головой.

Я снова взял мел и повернулся к доске. Когда я стоял спиной к детям, улыбка на моем лице исчезла.

Сегодня обещал быть непростым днем.

<http://tl.rulate.ru/book/104926/3867107>